ГОДЪ Сорокъ Третій

ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ № 40-42. ВѢДОМОСТИ.

16 Октября 1905 года
ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дѣйствія Правительства.

Указомъ Св. Синода отъ 19 Сентября 1905 г. за № 9323 учрежденъ самостоятельный приходъ при церкви имѣнія Уцяны Ковенскаго Губернатора Беревкина Вилкомирскаго уѣзда, Ковенск. губ., съ причтомъ изъ священника и псаломщика и съ содержаніемъ 530 р. 40 к. на весь причтъ въ годъ.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

13 Сент. 1905 г. резолюціею Его Высокопреосвященства за № 1967 преподано Архипастырское благословеніе священнику Шкудской церкви Александру Дружиловскому, какъ положившему не мало заботъ и трудовъ при построеніи приходской церкви.

22 Сент. назначенъ псаломщикомъ къ Ново-Шарковской церкви Дисненскаго уѣзда бывшій псаломщикъ Александръ Нарбутовичъ.

23 Сент. назначенъ и. д. псаломщика къ Юрбургской церкви Россіенскаго уѣзда, Ковенск. губ. съ платою по найму А. Сорока.

25 Сент. перемѣщенъ къ Высокодворской церкви, Трокскаго у. на псаломщицкое мѣсто псаломщикъ Замошской церкви, Дисненскаго уѣзда, К. Кантура.

26 Сентября Виленскимъ благочиннымъ назначенъ священникъ Княгининской церкви Антоній Мироновичъ, а помощникомъ Виленскаго благочиннаго священникъ Куренецкой церкви Іоаннъ Гушкевичъ.

26 сентября на мѣсто священника къ Засвирской церкви, Свенцянскаго уѣзда. перемѣщенъ священникъ Занорочской церкви Николай Пѣнькевичъ.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

14 Сентября послѣ капитальнаго ремонта освящена Сутковская церковь—Ошмянскимъ Благочиннымъ священникомъ І. Клаинскимъ въ сослуженіи нѣсколькихъ священниковъ благочиння и при большомъ стеченіи народа.

18 Сент. 1905 г. Преосвященнымъ Сергіемъ, Епископомъ Ковенскимъ освящена вновь выстроенная приходская церковь въ мѣстечкѣ Шкудахъ Тельшевскаго уѣзда, Ков. губ., при большомъ стеченіи народа.

25 сентября скончался протоіерей Бѣницкой церкви, Ошмянскаго уѣзда, Іоаннъ Кудрицкій на 76 году жизни и 51 году священства.

25 сентября выражена благодарность Епархіальнаго Начальства членамъ Строительнаго Комитета по постройкѣ Нѣмечинской церкви, Вилейскаго уѣзда: Предсѣдателю священ. Лукѣ

Смоктуновичу и членамъ: свящ. Николаю Дружиловскому, ст. сов. А. О. Турцевичу, ст. сов. Н. М. Пономареву, ст. сов. И. Т. Колесникову, кол. сов. Н. И. Конончуку и кол. ассес. Н. К. Янковскому, а также и женѣ коллежскаго совѣтника Надеждѣ Добровой—за усердіе и труды по постройкѣ сей церкви.

26 сентября освящена Мядельскимъ благочиннымъ, въ сослуженіи 9-ти священниковъ и діакона, вновь сооруженная каменная Старо-Габская церковь, во имя Св. Чудотворца Николая, приписная къ Габской приходской; церковь построена на средства Самарскаго 2-й гильдіи купца Ивана Васильевича Аргасуева.

Копія отношенія Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, отъ 28 іюля 1905 г. за № 2451-мъ, на имя Высокопреосвященнѣйшаго Никандра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго.

Преосвященнѣйшій Владыко

Милостивый Государь и Архипастырь

Предсѣдатель Алексѣевскаго главнаго Комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей, сообщаетъ, что названный Комитетъ, озабочиваясь установленіемъ порядка разрѣшенія ходатайствъ объ опредѣленіи осиротѣвшихъ въ войну съ Японіей дѣтей офицерскихъ и приравниваемыхъ къ нимъ чиновъ въ учебныя заведенія на предоставленныя на сей предметъ вакансіи и стипендіи, въ засѣданіи 12 сего Іюля, утвердилъ особыя для сего правила, которыя призналъ необходимымъ сообщить подлежащимъ вѣдомствамъ, съ просьбою принять зависящіе мѣры къ преподанію начальствамъ учебныхъ заведеній соотвѣтствующихъ указаній по настоящему предмету.

Увѣдомляя о семъ Ваше Преосвященство, имѣю честь препроводить при семъ къ Вамъ, Милостивый Государь и Архипастырь, для зависящихъ распоряженій, по одному печатному экземпляру помянутыхъ, сообщенныхъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Семеновымъ, правилъ, а также выписки изъ журнала означеннаго Комитета по сему предмету, отъ 12 Іюля 1905 года.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Преосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря покорнѣйшимъ слугою (подписалъ) К. Побѣдоносцевъ.

На семъ положена резолюція Его Высокопреосвященства отъ 11 Августа за № 1608-мъ:

Консисторія сообщитъ приложенныя при семъ правила начальствамъ духовно-учебныхъ заведеній Литовской епархіи къ свѣдѣнію и руководству въ потребныхъ случаяхъ и сдѣлать распоряженіе о пропечатаніи правилъ въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Разсмотрѣвъ въ засѣданіи 12 Іюля 1905 года докладъ по вопросу о порядкѣ разрѣшенія ходатайствъ объ опредѣленіи офицерскихъ дѣтей въ учебныя заведенія, Алексѣевскій главный комитетъ положилъ:

I) Въ отношеніи порядка разрѣшенія ходатайствъ объ опредѣленіи офицерскихъ дѣтей въ учебныя заведенія постановить слѣдующія правила:

1) Послѣ подачи матерью осиротѣвшихъ дѣтей или лицами, на попеченіи коихъ сіи дѣти находятся, прошенія въ Главный или губернскій Комитетъ о призрѣніи дѣтей, Комитетъ входитъ, на основаніи представленныхъ при прошеніи документовъ (прав. ст. 27), въ обсужденіе вопроса о томъ, имѣютъ ли эти дѣти право на призрѣніе со стороны Алексѣевскаго Комитета.

2) Въ случаѣ признанія за дѣтьми, достигшими учебнаго возраста, означеннаго (п. I) права, просителямъ предлагается намѣтить изъ числа имѣющихся въ распоряженіи Комитета вакансій и стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ тѣ заведенія, въ которыхъ они желали бы помѣстить своихъ дѣтей.

3) По выборѣ учебнаго заведенія, Главный или Губернскій Комитетъ выдаетъ просителямъ особое свидѣтельство въ удостовѣреніе ихъ права помѣстить дѣтей на намѣченную для нихъ вакансію или стипендію.

4) По предъявленіи означенныхъ (п. 3) свидѣтельствъ начальству подлежащаго учебнаго заведенія дѣти допускаются къ соисканію предоставленныхъ Алексѣевскому Комитету вакансій или стипендій. Пріемъ дѣтей производится на основаніи обще установленныхъ правилъ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что на спеціально для нихъ предназначенныя вакансіи они принимаются внѣ конкурса съ прочими дѣтьми, но по состязанію между собою, въ случаѣ превышенія ихъ числа надъ числомъ вакансій и стипендій, имѣющихся въ распоряженіи Комитета.

5) Начальство учебнаго заведенія замѣщаетъ прежде всего безплатныя вакансіи и стипендіи, а затѣмъ уже вакансіи и стипендіи, сверхъ комплекта, съ платою за содержаніе изъ казны за счетъ Комитета.

6) О принятіи дѣтей на безплатныя или платныя вакансіи или стипендіи начальство заведенія незамедлительно извѣщаетъ подлежащій Комитетъ, съ обозначеніемъ, въ послѣднемъ случаѣ, размѣра годовой платы за обученіе и содержаніе принятаго ребенка.

7) По полученіи означеннаго (п. 6) извѣщенія, Комитетъ устанавливаетъ окончательно размѣръ пособія, выдаваемаго на призрѣніе ребенка. Въ случаѣ если стоимость содержанія его превышаетъ 30 рублей, вопросъ о назначеніи его представляется на обсужденіе Главнаго Комитета.

IV. Изложенныя въ отдѣлѣ 1 правила сообщить подлежащимъ вѣдомствамъ, прося ихъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о преподаніи начальствамъ учебныхъ заведеній соотвѣтствующихъ указаній по сему предмету.

ВЫПИСКА

изъ журнала Алексѣевскаго Главнаго Комитета по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіею, отъ 12 Іюля 1905 года.

По вопросу о порядкѣ разрѣшеній ходатайствъ объ опредѣленіи офицерскихъ дѣтей въ учебныя заведенія.

Согласно Высочайше утвержденнымъ 16 Іюня сего года правиламъ объ обезпеченіи судьбы дѣтей лицъ, погибшихъ въ войну съ Японіей, на учрежденія, вѣдающія призрѣніемъ дѣтей, возложена обязанность содѣйствовать опредѣленію ихъ въ учебныя заведенія. Для этого означенными учрежденіями собираются необходимыя свѣдѣнія о имѣющихся въ учебныхъ заведеніяхъ вакансіяхъ, и принимаются мѣры направленныя къ облегченію дѣтямъ доступа предпочтительно въ закрытыя заведенія для мальчиковъ—преимущественно военнаго вѣдомства, въ коихъ, по соглашенію съ ихъ начальствомъ, открывается возможное число вакансій и стипендій. Равнымъ образомъ, сироты могутъ быть помѣщаемы въ учебныя заведенія и сверхъ комплекта въ предѣлахъ, установленныхъ начальствомъ сихъ заведеній, съ оплатою ихъ содержанія изъ казны. Въ случаѣ же возможности помѣщенія дѣтей въ закрытыя учебныя заведенія принимаются мѣры для опредѣленія ихъ въ казенныя и частныя учебныя заведенія приходящими. Пріемъ въ учебныя заведенія производится по существующимъ въ сихъ заведеніяхъ правиламъ. Учрежденныя спеціально для дѣтей участниковъ войны съ Японіей вакансіи и стипендіи замѣщаются сими дѣтьми внѣ конкурса съ прочими, поступающими въ сіи заведенія. Дѣтямъ, уже обучающимся, и содержимымъ въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ за счетъ сословій, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ или пользующимся стипендіями отъ сихъ учрежденій или лицъ, пособія изъ казны производятся лишь въ случаяхъ, когда они превышаютъ получаемыя дѣтьми вспомоществованія и притомъ лишь въ размѣрѣ существующей между этими пособіями разницы. Къ выполненію первыхъ изъ возложенныхъ на Главный Комитетъ въ семъ отношеніи обязанностей приступило еще Особое Совѣщаніе, состоящее подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря графа Сольскаго. Всѣ Министерства и Главныя управленія, имѣющія въ своемъ вѣдѣніи учебныя заведенія, были запрошены относительно числа вакансій и стипендій, могущихъ быть выдѣленными осиротѣвшимъ въ войну съ Японіей дѣтямъ. Свѣдѣнія эти уже поступили и продолжаютъ поступать, нынѣ они приводятся въ систему и ко времени пріема въ учебныя заведенія (Августъ-Сентябрь) будетъ установлено число дѣтей могущихъ быть принятыми въ существующія учебныя заведенія. Засимъ только со временемъ, по выясненіи числа осиротѣвшихъ дѣтей, представится возможность судить, можетъ ли быть удовлетворена потребность въ предоставленіи имъ способовъ къ образованію при нынѣшнемъ числѣ учебныхъ заведеній и не представится ли необходимость расширенія ихъ или даже устройства ихъ.

Въ настоящее же время надлежитъ озаботиться установленіемъ руководящихъ указаній относительно направленія и разрѣшенія ходатайствъ объ опредѣленіи дѣтей офицерскихъ и приравниваемыхъ къ нимъ чиновъ на предоставляемыя въ распоряженіе Алексѣевскаго Главнаго Комитета безплатныя и платныя вакансіи. Сообразуясь съ Высочайше утвержденными 16 іюня правилами, Главный Комитетъ полагалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ установить слѣдующій въ семъ отношеніи порядокъ.

Послѣ подачи матерью или опекуномъ (попечителемъ) осиротѣвшихъ дѣтей прошенія въ Главный или губернскій Комитетъ, сими учрежденіями, прежде всего на основаніи представляемыхъ при прошеніи документовъ (ст. 37 правилъ), разрѣшается по существу вопросъ, имѣютъ ли дѣти, коихъ ходатайство касается, право на призрѣніе со стороны Алексѣевскаго Комитета. Засимъ, по установленіи правъ сихъ дѣтей, просителямъ предлагается относительно дѣтей, достигшихъ учебнаго возраста, намѣтить изъ числа имѣющихся вакансій и стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ тѣ заведенія, въ которыхъ они желали бы помѣстить дѣтей. При этомъ матерямъ или опекунамъ дѣтей разъясняется предпочтительность помѣщенія мальчиковъ въ закрытыя и притомъ преимущественно въ военныя учебныя заведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно держаться того прядка, чтобы дѣти помѣщались въ учебныя заведенія, по возможности, въ мѣстахъ постояннаго пребыванія ихъ матерей.

По выборѣ учебнаго заведенія подача прошеній объ опредѣленіи дѣтей въ сіи заведенія должна лежать на матеряхъ или лицахъ, замѣняющихъ симъ дѣтямъ родителей. Этимъ лицамъ въ удостовѣреніе ихъ права помѣстить дѣтей на вакансію или стипендію, предоставленную въ распоряженіе Алексѣевскаго Комитета, должно быть выдаваемо особое свидѣтельство съ тѣмъ, чтобы только дѣти, относительно коихъ представлено таковое. допускались начальствомъ учебныхъ заведеній къ соисканію зачисленныхъ за Главнымъ Комитетомъ мѣстъ. Засимъ при пріемѣ сихъ дѣтей должны быть соблюдаемы общеустановленныя правила, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что на спеціально для нихъ предназначенныя вакансіи они принимаются внѣ конкурса съ прочими дѣтьми, но однако по состязанію между собою, въ случаѣ превышенія ихъ числа надъ числомъ вакансій и стипендій, предоставленныхъ въ учебномъ заведеніи въ распоряженіе Алексѣевскаго Комитета. Очевидно, что при замѣщеніи вакансій въ учебномъ заведеніи начальствомъ онаго должно неуклонно соблюдаться правило, чтобы прежде всего занимались безплатныя вакансіи и стипендіи, а затѣмъ уже дѣти были помѣщаемы на вакансіи и стипендіи, сверхъ комплекта съ платою за содержаніе изъ казны за счетъ комплекта. О принятіи въ учебное заведеніе какъ на безплатныя вакансіи и стипендіи такъ и на оплачиваемыя за счетъ Комитета начальству заведенія должно быть вмѣнено въ обязанность незамедлительно извѣщать подлежащій Комитетъ съ обозначеніемъ размѣра платы за обученіе

принятаго ребенка. Лишь по полученіи такого извѣщенія Комитетомъ устанавливается окончательно размѣръ пособія выдаваемаго на обученіе призрѣваемаго, причемъ, если этотъ размѣръ превышаетъ 300 руб., то вопросъ о назначеніи его будетъ, согласно закону, подлежать разрѣшенію Главнаго Комитета.

Изложенныя предположенія Главный Комитетъ призналъ необходимымъ сообщить всѣмъ подлежащимъ вѣдомствамъ, прося ихъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о преподаніи начальствамъ учебныхъ заведеній соотвѣтственныхъ единообразныхъ указаній по сему предмету.

На семъ основаніи Комитетъ положилъ:

I) Въ отношеніи порядка разрѣшенія ходатайствъ объ опредѣленіи офицерскихъ дѣтей въ учебныя заведенія постановить слѣдующія правила:

1) Послѣ подачи матерью осиротѣвшихъ дѣтей или лицами, на попеченіи коихъ сіи дѣти находятся, Прошенія въ Главный или губернскій Комитетъ о призрѣніи дѣтей, Комитетъ входитъ, на основаніи представленныхъ при прошеніи документовъ (прав. ст. 27), въ обсужденіе вопроса о томъ, имѣютъ ли эти дѣти право на призрѣніе со стороны Алексѣевскаго Комитета.

2) Въ случаѣ признанія за дѣтьми, достигшими учебнаго возраста, означеннаго (п. 1) права, просителямъ предлагается намѣтить изъ числа имѣющихся въ распоряженіе Комитета вакансій и стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ тѣ заведенія, въ которыхъ, они желали бы помѣстить своихъ дѣтей.

3) По выборѣ учебнаго заведенія, Главный или губернскій Комитетъ выдаетъ просителямъ особое свидѣтельство въ удостовѣреніе ихъ права помѣстить дѣтей на помѣченную для нихъ вакансію или стипендію.

4) По предъявленіи означенныхъ (п. 3) свидѣтельствъ начальству подлежащаго учебнаго заведенія, дѣти допускаются къ соисканію предоставленныхъ Алексѣевскому Комитету вакансій или стипендій. Пріемъ дѣтей производится на основаніи общеустановленныхъ правилъ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что на спеціально для нихъ предназначенныя вакансіи они принимаются внѣ конкурса съ прочими дѣтьми, но по состязанію между собою, въ случаѣ превышенія ихъ числа надъ числомъ вакансій и стипендій, имѣющихся въ распоряженіи Комитета.

5) Начальство учебнаго заведенія замѣщаетъ прежде всего безплатныя вакансіи и стипендіи, а затѣмъ уже вакансіи и стипендіи сверхъ комплекта, съ платою за содержаніе изъ казны за счетъ Комитета.

6) О принятіи дѣтей на безплатныя или платныя вакансіи и стипендіи начальство заведенія незамедлительно извѣщаетъ подлежащій Комитетъ съ обозначеніемъ, въ послѣднемъ случаѣ, размѣра годовой платы за обученіе и содержаніе принятаго ребенка.

7) По полученіи означеннаго (п. 6) извѣщенія Комитетъ устанавливаетъ окончательно размѣръ пособія, выдаваемаго на призрѣніе ребенка. Въ случаѣ, если стоимость содержанія его превышаетъ 300 руб., вопросъ о назначеніи его представляется на обсужденіе Главнаго Комитета.

IV. Изложенныя въ отдѣлѣ 1 правила сообщить подлежащимъ вѣдомствамъ, прося ихъ сдѣлать надлежащее распоряженіе о преподаніи начальствамъ учебныхъ заведеній соотвѣтствующихъ указаній по сему предмету.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ—

— Въ с. Верхнемъ, Дисненскаго уѣзда (11).

— Въ м. Яновѣ, Ковенскаго уѣзда (10).

— При Ковенскомъ Александро-Невскомъ соборѣ (5).

-- Въ с. Михаловщинѣ, Ошмянскаго уѣз. (4).

— Лидскаго уѣзднаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ. (3).

— Въ с. Занорочьи, Свенцянскаго уѣзда (1).

— Въ с. Бѣницѣ, Ошмянскаго уѣзда (1).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ—

— Въ м. Прозорокахъ, Дисненскаго уѣзда (15).

— Въ с. Голомысли, Дисненскаго у. (14).

— Въ г. Трокахъ (9).

— Въ с. Батуринѣ, Вилейск. у. (13).

— Въ г. Диснѣ при Воскресенск. церкви (7).

— При Никольской церкви, Ковенской губерніи, Поневѣжскаго уѣзда. (3).

— При Ковенскомъ Алек.-Невскомъ соборѣ (4).

— Въ с. Бобрахъ, Лидскаго уѣз. (4).

— При Виленскомъ Пречистенскомъ Соборѣ (2).

—Въ с. Радивонишкахъ Лидскаго уѣзда (2).

Неоффиціальный отдѣлъ.

Къ вопросу о съѣздахъ духовенства.

Государственная и церковно—общественная жизнь нашего отечества за послѣдній годъ выразилась въ цѣломъ рядѣ столь крупныхъ и исторически важныхъ событій, что очень многіе русскіе люди испытываютъ большое недоумѣніе. Господи, да что же это такое? да какъ же это такъ? да почему же раньше то ничего подобнаго не замѣчали? И въ положеніи сихъ недоумѣвающихъ оказалось пожалуй прежде всего огромное большинство насъ—забытыхъ и забитыхъ сельскихъ іереевъ.

Жили мы себѣ тихо и благородно подъ бдительною опекою милостиваго начальства и ни въ какое суемудріе не вдавались. Начальство намъ предписывало, а мы исполняли. Задумываться надъ тѣми или иными явленіями жизни, надъ тѣмъ или инымъ запросомъ времени намъ не представлялось ровно никакой надобности. За насъ думали и рѣшали другіе. Да и не могли мы ничѣмъ реагировать на выдвигаемые жизнію запросы, такъ какъ мы совсѣмъ не знали дѣйствительной жизни съ ея завѣтными стремленіями, съ ея ожесточенною борьбою за идеи общечеловѣческаго блага, правды и справедливости. Эта жизнь проходила какъ то мимо насъ, не останавливая на себѣ нашего вниманія. Между нами и жизнію искусственно была воздвигнута китайская стѣна, изъ-за которой звуки жизни не долетали въ нашъ тѣсный и замкнутый мірокъ. На школьной скамьѣ мы погружались въ неизмѣримыя глубины схоластической премудрости и духовно витали гдѣ то въ заоблачныхъ пространствахъ, не обнаруживая никогда склонности спуститься на погрязшую въ грѣхахъ землю. Земля и живые люди, если и появлялись иногда въ полѣ нашего зрѣнія, то въ странной роли подозрительнаго и небезопаснаго незнакомца.

Сойдя со школьной скамьи, мы поступали „на мѣста". По распоряженію начальства неопустительно совершали богослуженія по уставу. Отправляли положенные „Табелью" молебны и панихиды. Иногда писали и произносили проповѣди; обличали и порицали съ церковнаго амвона все мірское и плотское, намъ грѣховное, и призывали пасомыхъ оставить житейскія попеченія и устремиться исключительно къ духовному и небесному. И въ простотѣ сердца своего мы были искренно убѣждены, что мы исполняли наши обязанности въ совершенствѣ, что за всѣмъ тѣмъ мы съ спокойною совѣстью можемъ почить кійждо подъ смоковницею своею. А жизнь между тѣмъ продожала итти своею дорогой и ничѣмъ не нарушала нашего почиванія, пока шаги ея были робки, тихи, медлительны. Но вотъ жизнь пошла ускореннымъ темпомъ, колесо ея стало вращаться съ необычною быстротой. По руслу жизни забурлилъ, зашумѣлъ бурный потокъ. Даже у насъ, безучастныхъ зрителей, впечатлѣнія зрѣнія и слуха получились настолько сильны и рѣзки, что рефлексъ сдѣлался неизбѣжнымъ. Мы быстро очнулись, напряженно всматриваемся въ порывистыя движенія жизни и... недоумѣваемъ. Господи, да что же это? Почему же насъ не предупредили? Почему не получили мы соотвѣтствующихъ распоряженій? Неужели настало время намъ думать самостоятельно на счетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій? Но вотъ тутъ-то и является на сцену трагическій вопросъ: какъ думать и о чемъ думать? При какихъ условіяхъ и какими путями мы можемъ выработать въ себѣ сознательное отношеніе къ явленіямъ жизни? Какія начала должны быть положены въ основу нашего корпоративнаго строя, чтобы эти явленія жизни не ускользали отъ нашего вниманія и получали съ нашей стороны болѣе или менѣе справедливую оцѣнку?

Для выясненія нуждъ церковной жизни и пріисканія наилучшихъ способовъ удовлетворенія ихъ извѣстный богословъ публицистъ арх. Михаилъ особенно рекомендуетъ („Церк. Вѣстн.") усилить дѣятельность епархіальныхъ съѣздовъ духовенства. Важное значеніе за этими съѣздами признаютъ и „Лит. Еп. Вѣдом." (№ 30—31). Да и трудно допустить, чтобы нашлись въ средѣ духовенства противники широкаго развитія дѣятельности съѣздовъ. Вся задача въ томъ лишь, чтобы дѣятельность съѣздовъ была наиболѣе продуктивна. Вѣдь существующая практика съ достаточной несомнѣнностью показала, что до настоящаго времени съѣзды далеко не приносили той пользы, какую должно было бы отъ нихъ ожидать; и причину этого печальнаго явленія духовная печать справедливо усматриваетъ въ неудовлетворительной организаціи съѣздовъ и главнымъ образомъ—въ отсутствіи необходимой свободы и самостоятельности сужденій со стороны участниковъ послѣднихъ. И для насъ—сельскихъ іереевъ—причина эта представляется безспорной и очевидной. Но мы же и прибавимъ, что сказанная причина—не единственная. Еслибы епархіальнымъ съѣздамъ и была предоставлена должная свобода, если бы они и не чувствовали прямого и косвеннаго административнаго давленія, то мы все-таки сомнѣваемся, чтобы епархіал. съѣзды теперь же, немедленно, съумѣли въ должной степени использовать эту свободу. Въ самомъ дѣлѣ, епархіал. съѣздъ не есть что-либо сверхъестественное, способное неожиданно проявить духъ безграничнаго жизнидѣтельства. Съѣздъ составляется изъ насъ же, самыхъ обыкновенныхъ сельскихъ іереевъ. Собравшись на съѣздъ, мы, въ этотъ переживаемый нами историческій моментъ переоцѣнки очень многихъ цѣнностей, способны представить собою грустную картину коллективнаго недоумѣнія, ибо каждый изъ насъ въ отдѣльности еще не достаточно уяснилъ себѣ, что ему дѣлать съ данной свободой и самостоятельностью? Мы такъ привыкли къ руководству и опекѣ, такъ сроднились съ готовностью исполнять одни лишь циркуляры и распоряженія, что способность критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности у насъ атрофировалась. Намъ чужда и незнакома благородная иниціатива, у насъ не хватитъ мужества и умѣнья дать свободѣ и самостоятельности полезное выраженіе. Противъ этого признанія, разумѣется, можно сдѣлать немало возраженій: стоитъ только призвать на помощь услужливую софистику и діалектику. Но возраженія, построенныя на такой почвѣ, конечно существеннаго значенія имѣть не могутъ.

Сдѣлавъ столь откровенное признаніе, мы однако очень далеки отъ мысли на этомъ и успокоиться, т. е., считать зло непоправимымъ. Такъ не должно быть. Мы прекрасно понимаемъ, что никто не знаетъ нашихъ мѣстныхъ церковно-приходскихъ нуждъ лучше насъ самихъ. А если мы только можемъ поставить правильный діагнозъ болѣзни, то мы же и только мы въ состояніи указать наиболѣе дѣйствительныя средства врачеванія этой болѣзни. А потому мы искренно желаемъ быть сознательными, полезными участниками епархіальныхъ съѣздовъ, чтобы эти важные органы церковно-

приходскаго строительства дѣйствовали съ наибольшею продуктивностью. Для того же, чтобы участники съѣзда сознательно отнеслись къ своимъ обязанностямъ и были полезны въ трудахъ съѣзда, они должны обладать возможно широкимъ умственнымъ кругозоромъ, должны быть до извѣстной степени носителями тѣхъ духовныхъ силъ, которыя даютъ человѣку высокое званіе общественнаго дѣятеля, должны слѣдовательно пройти нѣкоторую подготовительную общественную школу. Такою подготовительною и единственною школою для нашихъ представителей на епархіальныхъ съѣздахъ могутъ служить съѣзды благочиннические.

Еслибы благочиннические съѣзды правильно функціонировали, еслибы мы привлекались къ совмѣстному обсужденію выдвигаемыхъ церковно-приходскою жизнію вопросовъ, еслибы эти сужденія высказывались свободно и самостоятельно, то переживаемый нами моментъ необыкновеннаго подъема церковно-общественнаго сознанія не засталъ бы насъ въ расплохъ, а наоборотъ встрѣтилъ бы въ насъ полную способность по достоинству оцѣнить его и умѣло имъ воспользоваться. Но къ великому прискорбію благочиннические съѣзды у насъ всегда были и продолжаютъ оставаться мертворожденнымъ дѣтищемъ того безжизненнаго формализма, которымъ вплотную опутаны всѣ стороны, всѣ проявленія нашей пастырской и общественной дѣятельности. Подъ именемъ благочинническихъ съѣздовъ у насъ разумѣлись и разумѣются двукратные въ теченіе года визиты іереевъ къ благочинному для представленія ему на просмотръ церковныхъ книгъ и документовъ и для внесенія причитающихся отъ духовенства и церквей денежныхъ повинностей. Вся задача этихъ съѣздовъ сводится обыкновенно къ наиболѣе успѣшному осуществленію взаимно совпадающихъ вождѣленій: для благочиннаго—поскорѣе освободиться отъ братіи, атакующей его съ разными книгами и деньгами, а для братіи—поскорѣе раздѣлаться съ благочиннымъ и своевременно возвратиться къ роднымъ пенатамъ. Чтобы задача эта могла разрѣшаться съ затратою возможно меньшаго количества хлопотъ и безпокойствъ для той и другой стороны, съѣздъ нерѣдко назначается не на одинъ день, а на два и на три. Въ одинъ день отбудетъ повинность одна партія іереевъ, въ другой —другая, въ третій—третья. При такомъ порядкѣ и благочинный не утомляется, и іереи не запаздываютъ съ поѣздкой домой. Никакихъ сужденій по общимъ вопросамъ на съѣздахъ не было и быть не могло, такъ какъ никто этихъ вопросовъ не поднималъ, да намъ-іереямъ—и не говорили никогда, что мы можемъ и должны мыслить и разсуждать о предметахъ, близко насъ интересующихъ, по крайнему своему разумѣнію. Притомъ же съѣздъ, распадающійся на разновременные съѣздики отдѣльными группами, въ силу уже этой самой организаціи, исключалъ всякую мысль о коллективномъ обсужденіи общихъ вопросовъ. И дѣйствительно мы никогда общими силами не пытались выяснить въ подробности тѣ начала, которыми должны руководиться въ пастырской и общественной дѣятельности.

Намъ чуждо корпоративное объединеніе на почвѣ общности духовныхъ интересовъ въ цѣляхъ формулировки поставляемыхъ намъ самою жизнію задачъ и отысканія наилучшихъ способовъ ихъ разрѣшенія. Мы никогда не принимали активнаго участія въ подобныхъ начинаніяхъ, а многіе изъ насъ не знакомы съ этимъ дѣломъ даже по наслышкѣ. Послѣ всего сказаннаго едва ли могутъ быть два отвѣта по вопросу о томъ, насколько мы будемъ полезны при существующихъ условіяхъ въ качествѣ участниковъ епархіальныхъ съѣздовъ, и насколько дѣятельность епархіальныхъ съѣздовъ при наличности такихъ участниковъ будетъ продуктивна.

Выводы изъ всего вышеизложеннаго напрашиваются сами собою. Надо вызвать къ жизни дѣятельность благочинническихъ съѣздовъ. Эти съѣзды должны устраиваться не менѣе двухъ разъ въ годъ. Нужно предоставить самому духовенству право выработать такія условія, при которыхъ съѣзды не были бы стѣснительны въ какомъ бы то ни было отношеніи ни для благочиннаго, ни для духовенства. Матеріалъ для сужденій благочинническаго съѣзда должна дать программа будущаго съѣзда епархіальнаго; это—во первыхъ; а во-вторыхъ—благочиннический совѣтъ, который заблаговременно намѣчаетъ вопросъ, то или иное разрѣшеніе которыхъ принесетъ несомнѣнную пользу дѣлу благоустроенія мѣстной церковно-приходской жизни. Не долженъ благочиннический совѣтъ относиться безучастно и къ крупнѣйшимъ событіямъ жизни общественной, каковыя событія должны получить въ сужденіяхъ съѣзда то или иное освѣщеніе. Кромѣ того въ постановкѣ вопросовъ для сужденій съѣзда долженъ считаться правоспособнымъ и каждый изъ рядовыхъ іереевъ, если только съѣздъ поднятый вопросъ сочтетъ заслуживающимъ вниманія. Желательно на съѣздахъ и присутствіе просвѣщенныхъ мірянъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ мнѣній. Участникамъ благочинническихъ съѣздовъ должна быть гарантирована полная безопасность отъ мелкихъ и крупныхъ непріятностей въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣнія ихъ расходятся со взглядами и убѣжденіями низшаго и высшаго начальства. Благочинническимъ съѣздамъ должно быть предоставлено право петицій, направляемыхъ чрезъ благочиннаго въ съѣзды епархіальные или же непосредственно къ Архіерею. Двукратные въ теченіе года благочиннические съѣзды должны быть обязательны, и неопустительность въ этомъ отношеніи лежитъ на отвѣтственности благочиннаго. Постановленія съѣзда записываются въ особую книгу, причемъ книга эта подлежитъ просмотру одного только Архіерея.

Я здѣсь намѣтилъ лишь общія черты организаціи благочинническаго съѣзда и, разумѣется, не претендую на ихъ абсолютное совершенство. Само собой понятно, что этотъ важный вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ и тщательно разработанъ на епархіальномъ съѣздѣ.

Только послѣ того, какъ мы іереи—примемъ активное участіе въ самостоятельномъ и свободномъ обсужденіи нашихъ мѣстныхъ нуждъ на благо-

чиннических съѣздах и пріобрѣтем вкус и навык в разсмотрѣніи вопросов и явленій церковно-общественной жизни общими усиліями, мы явимся цѣнными участниками епархіальных съѣздов и придадим дѣятельности послѣдних желательную продуктивность.

Кромѣ того, при этом лишь условіи участники епархіальных съѣздов будут выразителями голоса дѣйствительно духовенства, а не самозванными вершителями его интересов, никѣм не уполномоченными и ничѣм не отвѣтственными пред своими мнимыми довѣрителями.

Іерей А. В.

Русское духовенство в произведеніи А. П. Чехова.

(окончаніе).

„Господи, в каком мѣстѣ были глаза у архіерея, когда он посвящал этого человѣка! За кого они народ считают, если дают ему таких учителей? Тут нужны люди, которые... Будь, напримѣр, я попом... Образованный и любящій свое дѣло поп много может сдѣлать... У меня давно бы уже была открыта школа. А проповѣдь? Если поп искренен и вдохновлен любовью к своему дѣлу, то какія чудныя, зажигательныя проповѣди он может говорить!..

Жалуются на паденіе в народѣ религіознаго чувства... Еще бы! Они бы еще больше понасажали сюда таких попов!“

Так брезгливо и зло судил непремѣнный член по крестьянским дѣлам присутствія, почетный мировой судья, член училищнаго совѣта, попечитель церковно-приходской школы, И. Кунин, глядя на отца Якова Смирнова и вспоминая все видѣнное в церкви и в домѣ батюшки. Кунину непріятно было аляповатое, бабье лицо о. Якова, с вздернутым носом, ярко-красными щеками, большими сѣро-голубыми глазами, с жидкими, едва замѣтными бровями, с длинными рыжими, гладкими и сухими волосами, с едва формирующимися усами, с рѣденькой, сильно просвѣчивающей бородкой, почему-то называемой у семинаристов “скоктаніем“. Его заставляла брезгливо морщиться ряска о. Якова, цвѣта жидкаго цикорнаго кофе, с большими латками на обоих локтях, с полами, обрызганными грязью. В манерѣ батюшки сидѣть на краешкѣ стула и держать ладони на колѣнях ему видѣлось отсутствіе достоинства и даже подхалимство. Удовольствіе, с которым о. Яков пил у него чай, кренделек, поспѣшно запрятанный батюшкою в карман,—заставили непремѣннаго члена удивиться такой поповской жадности и брезгливо пожать плечами. Дом священника, ничѣм не отличавшійся от крестьянских изб, с глиняным полом, со стѣнами, оклеенными дешевыми обоями, с мебелью, о которой можно было думать, что о. Яков ходил по дворам и собирал ее по частям: в одном мѣстѣ дали ему круглый стол на трех ногах, в другом—табурет, в третьем стул с сильно загнутой назад спинкой, в четвертом стул с прямой спинкой, но с вдавленным сидѣньем, а в пятом— расщедрились и дали какое—то подобіе дивана с плоской спинкой и с рѣшетчатым сидѣньем,—отсутствіе самовара и чая, перешептываніе по этому поводу о. Якова с попадьей, сидѣвшей гдѣ-то за перегородкой,—сложили у Кунина самое неблагопріятное мнѣніе о священникѣ. Деревянная, ветхая, сѣрая церковь, старый, в дугу согнувшійся, глухой дьячок, читающій часы глухим неразборчивым тенором, поющій с одышкой, дрожащим, шепелявым голосом, мальчик, не в тон подпѣвающій дьячку высоким визгливым дискантом, малорослый іерей в помятой и длинной—предлинной ризѣ из какой-то желтой потертой матеріи, нижній край которой волочился по землѣ, порывистость движеній священника, отсутствіе у него опредѣленной манеры служить, переход от высокаго тенора к жидкому баску—все это оскорбляло даже „тот небольшой кусочек религіознаго чувства, который оставался еще в груди Кунина и тихо теплился на ряду с другими нянюшкиными сказками“. Он рѣшил, что отец Яков также мало интересуется школой, попечителем которой назначен был Кунин, как он сам прошлогодним снѣгом... Надо сперва о хорошем попѣ позаботиться, а потом уж о школѣ“. И вот недолго думая, он пишет архіерею: „священник молод, недостаточно развит, кажется, ведет нетрезвую жизнь и вообще не удовлетворяет тѣм требованіям, которыя вѣками сложились у русскаго народа по отношенію к его пастырям“...

Здѣсь мы видим маленькую, но яркую иллюстрацію к вопросу об отношеніи интеллигенціи к духовенству, о возможности их совмѣстной культурной дѣятельности в деревнѣ. Русская деревня всегда была бѣдна интеллигентными силами. Почти всегда и вездѣ онѣ вполнѣ исчерпывались священником и учителем. Эти люди, по самому своему положенію, происхожденію и дѣятельности, наилучшим образом могли знать и понимать народ и оказывать на него постоянное и сильное вліяніе. Другіе представители интеллигентных, культурных сил или были слишком рѣдки и малочисленны, или появлялись случайно и мимолетно. При том одни из них слишком пугали и отталкивали народ своим безпощадным отрицаніем и ненавистью к тѣм началам, какими он живет. Они вносили слишком много нервности и поспѣшности в свое дѣло, слишком быстро хотѣли видѣть желанные результаты,—и потому не выдерживали упорной и продолжительной борьбы с невѣжеством и косностью народа. Другіе, благонамѣренные, были не вмѣру благодушны и сыты, слишком близоруки и наивны, праздны и лѣнивы, чтобы вліять серьезно и глубоко. Они довольствовались видимостью, приличной внѣшностью, но так же, как и первые спѣшили увидѣть здѣсь желанные ре-

зультаты. И тѣ и другіе съ одинаковой ненавистью относились къ тому, что, казалось имъ, тормозило дѣло и отдаляло успѣхъ. И тѣ и другіе сошлись въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ духовенству. Для первыхъ это была темная мрачная сила, гасившая всякій лучъ просвѣщенія,—сила довольно активная и вліятельная. Вторые близорукими очами видѣли въ немъ только безсиліе, лѣность, невѣжество, порочность. Кунинъ принадлежитъ, конечно, къ числу послѣднихъ. Какъ человѣкъ сытый и не разсуждающій, праздный и близорукій, онъ не видѣлъ и не понималъ условій дѣятельности въ деревнѣ, не чувствовалъ гнетущей силы тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходится работать деревенскимъ и интеллигентнымъ труженикамъ. Непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ не удивляется тому, что въ русской деревнѣ юность и мужество часто имѣютъ старческія лица. Этому маленькому оптическому обману онъ не придаетъ особаго значенія. Членъ училищнаго совѣта, попечитель церковно-приходской школы, ревнитель и покровитель народнаго просвѣщенія, онъ не задумываясь пишетъ доносъ на бѣднаго несчастнаго человѣка. Почетный мировой судья, онъ слишкомъ несправедливъ въ своемъ судѣ надъ забитымъ, придавленнымъ жизнью человѣкомъ. И только случайность открываетъ ему истинное положеніе дѣла.

Кунинъ разсчиталъ своего писаря, получавшаго двадцать рублей въ мѣсяцъ. О. Яковъ, узнавъ объ этомъ, проситъ Кунина отдать эту должность ему и готовъ взять только десять рублей.

— „Да развѣ вы бросаете священство?—изумился Кунинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро проговорилъ о. Яковъ почему то-блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Боже меня сохрани!“ И тутъ слѣдуетъ скорбная, поражающая и слушателя и читателя исповѣдь. „— Вы... вы изумляетесь,—говоритъ о. Яковъ: и всѣ изумляются. Жадный попъ, алчный, куда онъ деньги дѣваетъ?... Я получаю въ годъ съ прихода сто пятьдесятъ рублей, и всѣ... удивляются, куда я эти деньги дѣваю... Но я вамъ все по совѣсти объясню... Сорокъ рублей въ годъ я за брата Петра въ духовное училище взношу. Онъ тамъ на всемъ готовомъ, но бумага и перья мои... Потомъ—съ, я еще въ консисторію за мѣсто свое не все еще выплатилъ. За мѣсто съ меня двѣсти рублей положили, чтобъ я по десяти въ мѣсяцъ выплачивалъ... Судите же теперь, что остается? А вѣдь кромѣ того я долженъ выдавать о. Авраамію, что до меня въ Синьковѣ священникомъ былъ, по крайней мѣрѣ, хоть по три рубля въ мѣсяцъ!.. Его лишили мѣста за... слабость, а вѣдь онъ въ Синьковѣ и теперь живетъ! Куда ему дѣваться? Кто его кормить станетъ? Хоть онъ и старъ, но вѣдь ему и уголъ, и хлѣба, и одежду надо! не могу я допустить, чтобъ онъ, при своемъ санѣ, пошелъ милостыню просить! Мнѣ вѣдь грѣхъ будетъ, ежели что! Мнѣ грѣхъ! Онъ.. всѣмъ задолжалъ, а вѣдь мнѣ грѣхъ, что я за него не плачу... Я знаю, попроси я, поклонись, и всякій поможетъ, но... не могу! Совѣстно мнѣ! Какъ я стану у мужиковъ просить? Вы служите тутъ и сами видите. Какая рука подымется просить у нищаго? А просить у кого побогаче, у помѣщиковъ, не могу! Гордость! Совѣстно!. Ну, положимъ, я снесу и голодъ, и срамъ, но вѣдь у меня, Господи, еще попадья есть! Вѣдь я ее изъ хорошаго дома взялъ. Она бѣлоручка и нѣжная, привыкла и къ чаю, и къ бѣлой булкѣ, и къ простынямъ... Она у родителей на фортепьянахъ играла... Молодая, еще и двадцать лѣтъ нѣтъ... Хочется, небось и нарядиться и пошалить, и въ гости съѣздить... А она у меня... хуже кухарки всякой, стыдно на улицу показать. Боже мой, Боже мой! Только и утѣхи у нея, что принесу изъ гостей яблочекъ, или какой кренделечекъ“... Но не за себя только и не за свою семью болѣетъ о. Яковъ. Его угнетаетъ бѣдность и нищета всей его паствы. Ему невыносима полная безпомощность его въ этомъ отношеніи, совершенное безсиліе помочь своимъ пасомымъ. „Никогда, Павелъ Михайловичъ, этого не было, чтобъ докторши на рѣкѣ бѣлье полоскали! Ни въ какихъ странахъ этого нѣтъ! мнѣ бы, какъ пастырю и отцу духовному, не допускать бы ее до этого, но что я могу сдѣлать? Что? Самъ же еще норовлю у ея мужа даромъ лѣчиться! Вѣрно вы изволили опредѣлить, что все это невѣроятно! глазамъ не вѣрится! Во время обѣдни, знаете, выглянешь изъ алтаря, да какъ увидишь свою публику, голоднаго Авраамія и попадью, да какъ вспомнишь про докторшу, какъ у нея отъ холодной воды руки посинѣли, то, вѣрите ли, забудешься и стоишь, какъ дуракъ, въ безчувствіи, пока пономарь не окликнетъ... Ужасъ!.. Господи Іисусе! Святые угодники! И служить даже не могу... Вы вотъ про школу мнѣ говорите, а я, какъ истуканъ, ничего не понимаю и только объ ѣдѣ думаю... Даже передъ престоломъ“...

Это страница, которая неизмѣнно украшаетъ біографію любого представителя нашего сельскаго духовенства. Здѣсь, у о. Якова, она слишкомъ мрачна, а у другихъ бываетъ посвѣтлѣе, но совершенно отсутствовать она не можетъ. И кто игнорируетъ эту страницу, кто не научился ее читать и понимать, тотъ не можетъ судить наше духовенство, тотъ не смѣетъ кидать въ него камнемъ. Чеховъ раскрылъ эту страницу, и устами о. Якова съ болью и горечью прочелъ намъ. Отъ этихъ строкъ вѣетъ кошмарнымъ ужасомъ, мертвящимъ чистую свѣтлую идею, высокую благородную мысль, энергичную молодую волю. Въ нихъ слышится рыданіе надломленной молодой идеальной души, у которой сѣренькая, убогая жизнь отнимаетъ вѣру въ добро, въ правду, въ свои силы. „И зачѣмъ было такой санъ на себя принимать, ежели ты маловѣръ и силъ у тебя нѣтъ? Нѣтъ конца моему отчаянію! Спаси, Царица небесная!“—стонетъ о. Яковъ.

Необезпеченность нашего духовенства, граничащая часто почти съ нищетой, и была хоть не единственною, но, можетъ быть, наиболѣе грозною

и роковою силой, парализовавшей общественную дѣятельность служителей церкви, отдѣлившей ихъ отъ культурнаго интеллигентнаго міра, привившей имъ много пороковъ. Мы съ дѣтскихъ лѣтъ неувѣренными каракулями выводимъ: "бѣдность не порокъ". Но проходитъ поколѣніе за поколѣніемъ, а эта благородная фраза попрежнему остается только положеніемъ прописной морали, и никогда не сдѣлается убѣжденіемъ нашей жизни. Можетъ быть, открыто мы и не назовемъ бѣдность порокомъ, но всегда будемъ тайно подозрѣвать за нею порокъ, всегда она въ нашихъ глазахъ будетъ прямымъ и близкимъ путемъ къ пороку.

Многимъ, впрочемъ, можетъ показаться не совсѣмъ справедливымъ и точнымъ зачисленіе нашего духовенства въ разрядъ неимущихъ и бѣдныхъ классовъ. Но, за исключеніемъ развѣ окраинныхъ западныхъ и южныхъ епархій, оно вездѣ дѣйствительно таково. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ, или въ послужномъ спискѣ любого сельскаго батюшки, развѣ за очень и очень рѣдкими исключеніями, неизмѣнно значится: „недвижимой собственности не имѣетъ". Но къ этому почти всегда слѣдуетъ прибавить, что и движимой собственностью онъ не обладаетъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы можно было назвать его собственникомъ. Что у него есть и остается послѣ его смерти, то, по своей ничтожности, заслуживаетъ названіе скорѣе нищенскаго скарба, чѣмъ движимой собственности. Но вѣдь священникъ беретъ съ своихъ прихожанъ, беретъ вещами и деньгами, за совершеніе требъ, за святыню, даже за таинства,—беретъ, говоря народной рѣчью, „и съ живого и съ мертваго". Да, онъ беретъ, беретъ отъ копеекъ и пятаковъ до гривенниковъ, полтинниковъ и рублей,—беретъ съ тѣхъ, о комъ самъ хорошо знаетъ, что справедливѣе было бы давать имъ, чѣмъ брать у нихъ,—съ неимущихъ, полуодѣтыхъ, полуголодныхъ. Подумать стоитъ надъ тяжестью этого креста на нашемъ сельскомъ духовенствѣ,— надъ этимъ „браньемъ съ живого и съ мертваго", для человѣка съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, тонкимъ нравственнымъ чувствомъ и нѣжвымъ сердцемъ. Брать, сознавая невозможность не брать, съ глубокимъ страданіемъ надъ каждою взятою копейкою и надъ каждою краюхою хлѣба. И при этомъ все таки никогда ничего не имѣть, ибо все получаемое изчезаетъ немедленно, какъ капля поглощаясь въ морѣ нуждъ содержанія семьи и, особенно, дорого стоющаго обученія дѣтей въ далекихъ губернскихъ городахъ. Да, этотъ подвигъ сборовъ съ живыхъ и мертвыхъ нашимъ духовенствомъ стоитъ ему многихъ нравственныхъ силъ и великихъ страданій. Онъ унижаетъ и обезсиливаетъ его нравственно, онъ понижаетъ и притупляетъ его умственное развитіе, отнимаетъ его у культуры и прогресса. Въ этомъ одна изъ причинъ разъединенія духовенства и интеллигенціи, одинъ изъ источниковъ ихъ укорительнаго отношенія другъ къ другу, особенно со стороны той части интеллигенціи, которая съ благонамѣренностью, чрезмѣрной сытостью, умственной близорукостью и невниманіемъ къ жизни, соединяетъ еще потуги къ неумѣлой и безполезной дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія или общественной благотворительности.

Отношенія о. Якова и Кунина прекрасно иллюстрируютъ это.

V.

„Хоть бы одинъ человѣкъ, съ которымъ можно было бы поговорить, отвести душу!" Такъ горько восклицаетъ, въ разсказѣ Чехова „Архіерей", викарный преосвященный Петръ. И въ этомъ восклицаніи слышится стонъ болѣющей одиночествомъ человѣческой души...

На вершинахъ власти, говорятъ, одиноко и холодно. Тамъ уже начинается полярный поясъ человѣческихъ отношеній Тамъ чахнутъ и увядаютъ украшающіе человѣческую жизнь нѣжные цвѣтки дружбы, довѣрчивости, простыхъ, свободныхъ и искреннихъ отношеній къ людямъ. Ихъ убиваетъ холодъ политики и этикета, жесткость обязательности бумажныхъ, оффиціальныхъ отношеній. Тамъ незамѣтно умираетъ человѣкъ, но ярко и гордо расцвѣтаетъ чиновникъ. Естественно, что и маленькіе люди, поднимаясь снизу безконечной вереницей просителей, съ своими нуждами и обидами, многое истинно человѣческое оставляютъ тамъ внизу, за порогомъ передней Чувство собственнаго достоинства убываетъ до минимума, если на изчезаетъ совершенно. На лицо надѣвается маска смиренія и ничтожества, кротости и благоговѣнія. Фигура получаетъ наклонное падающее направленіе, языкъ заражается гиперболами.. Въ передней образуется атмосфера, въ которой сановникъ, если не умеръ въ немъ окончательно живой человѣкъ, задыхается и... бѣжитъ. Бѣжитъ разсѣять этотъ кошмаръ среди общественныхъ развлеченій, въ тѣсномъ небольшомъ кругу друзей изъ равныхъ себѣ лицъ, въ спокойной здоровой атмосферѣ своей семьи..

Не такъ на вершинахъ церковной власти. Тутъ некуда бѣжать отъ чужихъ нуждъ и обидъ, какъ бы пошлы и ничтожны онѣ не были, отъ самоуниженія, до гадливости, просителей, отъ преувеличенія горькихъ стоновъ и жалобъ ихъ, отъ непрошенныхъ назойливыхъ навѣтовъ. Тутъ негдѣ разсѣять, забыть этотъ тяжелый, удушливый кошмаръ. Для людей, подъявшихъ крестъ стоять на высотѣ церковной, нѣтъ семьи, нѣтъ родныхъ, нѣтъ отца и матери. „Преосвященный смотрѣлъ на свою мать и не понималъ, откуда у нея это почтительное, робкое выраженіе лица и голоса, зачѣмъ оно, и не узналъ ея. Стало грустно, досадно". „И почему, спрашивается съ Сисоемъ (старымъ монахомъ, бывшимъ архіерейскимъ экономомъ) она говорила безъ умолку и смѣялась много, а съ нимъ, съ сыномъ, была серьезна, обыкновенно молчала, стѣснялась, что совсѣмъ не шло къ ней?» «И преосвященному опять стало досадно и потомъ обидно, что съ чужими старуха держала себя обыкновенно и просто, съ нимъ же, съ сыномъ, робѣла, говорила рѣдко и не то, что хотѣла, даже, какъ казалось ему, всѣ эти дни, въ

его присутствіи, все искала предлога, чтобы встать, такъ какъ стѣснялась сидѣть. А отецъ? тотъ, вѣроятно, если бы былъ живъ, не могъ бы выговорить при немъ ни одного слова»...

Нѣтъ родныхъ, но нѣтъ и близкихъ людей, нѣтъ хотя бы самаго маленькаго, тѣснаго круга лицъ, гдѣ можно было бы поговорить свободно, откровенно, подружески, отдохнуть отъ безполезныхъ бумажныхъ дѣлъ, отъ безконечныхъ робкихъ и жалкихъ просителей. «Не могъ преосвященный никакъ привыкнуть и къ страху, какой онъ, самъ того не желая, возбуждалъ въ людяхъ, несмотря на свой тихій, скромный нравъ. Всѣ люди въ этой губерніи, когда онъ глядѣлъ на нихъ, казались ему маленькими, испуганными, виноватыми. Въ его присутствіи робѣли всѣ, даже старики протоіереи, всѣ «бухали» ему въ ноги, а недавно одна просительница, старая деревенская попадья, не могла выговорить ни одного слова отъ страха, такъ и ушла ни съ чѣмъ. И онъ, который никогда не рѣшался въ проповѣдяхъ говорить дурно о людяхъ, никогда не упрекалъ, такъ какъ было жалко,—съ просителями выходилъ изъ себя, сердился, бросалъ на полъ прошенія. За все время, пока онъ здѣсь, ни одинъ человѣкъ не поговорилъ съ нимъ искренно, попросту, по-человѣчески»...

Эту нечеловѣческую тяжесть одиночества отъ безлюдья и пустоты кругомъ не могутъ облегчить и занятія епархіальными дѣлами. Вся епархіальная жизнь давно уже получила бумажное, циркулярное направленіе, гдѣ личному вліянію, живымъ непосредственнымъ отношеніямъ нѣтъ мѣста и времени. Тысячи входящихъ и исходящихъ создали крѣпкую стѣну, надолго отдѣлившую епархіальную власть отъ пасомыхъ. Лишенная живого личнаго начала, епархіальная жизнь стала сѣрой, скучной, мелкой. «Преосвященнаго поражала пустота, мелкость всего того, о чемъ просили, о чемъ плакали; его сердили неразвитость, робость; и все это мелкое и ненужное угнетало его своею массою, и ему казалось, что теперь онъ понималъ епархіальнаго архіерея, который когда-то, въ молодые годы, писалъ «Ученія о свободѣ воли», теперь же, казалось, весь ушелъ въ мелочи, все позабылъ и не думалъ о Богѣ. За границей преосвященный, должно быть, отвыкъ отъ русской жизни, она была не легка для него; народъ казался ему грубымъ, женщины просительницы скучными и глупыми, семинаристы и ихъ учителя необразованными, порой дикими. А бумаги, входящія и исходящія считались десятками тысячъ, и какія бумаги! Благочинные во всей епархіи ставили священникамъ, молодымъ и старымъ, даже ихъ женамъ и дѣтямъ, отмѣтки по поведенію, пятерки и четверки, а иногда и тройки, и объ этомъ приходилось говорить, читать и писать серьезныя бумаги»...

И невыносимо тяжелымъ становится при такихъ условіяхъ бремя церковной власти. Непосильный крестъ ея глубоко рѣжетъ плечи и прежде времени заставляетъ сгибаться къ землѣ и никнуть сѣдой головой. Мягкія шелковыя и златотканныя одежды жестче власяницы колючей. Золотой уборъ невидимыми шипами язвитъ чело, и всѣ, столь заманчивыя издали прерогативы власти и положенія, язвятъ какъ терновыя иглы, сковываютъ какъ желѣзныя цѣпи. Богатые просторные чертоги кажутся тѣснѣе склепа могильнаго. И какъ часто является вполнѣ естественное, человѣческое желаніе уйти оттуда, хоть на минуту быть какъ всѣ люди, не пугая ихъ своимъ появленіемъ и рѣчью, видѣть дѣйствительную, а не парадную сторону жизни, слышать искреннее откровенное слово, а не дипломатическіе отвѣты, и также искренно, просто и тепло говорить, шутить, смѣяться, спорить съ ними. «Когда онъ укрывался одѣяломъ, захотѣлось вдругъ за границу, нестерпимо захотѣлось! Кажется, жизнь бы отдалъ, только бы не видѣть этихъ жалкихъ, дешевыхъ ставень, низкихъ потолковъ, не чувствовать этого тяжкаго монастырскаго запаха... И представлялось преосвященному, что онъ, уже простой, обыкновенный человѣкъ, идетъ по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а надъ нимъ широкое небо, залитое солнцемъ, и онъ свободенъ теперь какъ птица, можетъ идти, куда угодно»!...

Но изъ кельи есть только одинъ спасительный ходъ—въ церковь. «Успокаивался преосвященный Петръ, только, когда бывалъ въ церкви»... Отецъ его былъ дьяконъ, дѣдъ—священникъ, прадѣдъ—дьяконъ, и весь родъ его, быть можетъ, со временъ принятія на Руси христіанства, принадлежалъ къ духовенству, и любовь его къ церковнымъ службамъ, духовенству, къ звону колоколовъ была у него врожденной, глубокой, неискоренимой; въ церкви онъ, особенно когда самъ участвовалъ въ служеніи, чувствовалъ себя дѣятельнымъ, бодрымъ, счастливымъ»...

Чеховъ умеръ на разсвѣтѣ новой русской жизни. Ея все ярче разгорающаяся заря освѣтила уже смѣжившіяся очи. Ея новыя рѣчи и пѣсни коснулись уже мертваго слуха, и на сомкнутыхъ устахъ не нашли привѣта. Далекая заря играетъ и блещетъ. Но сѣрыя нудныя тучи мертвящей пошлой обыденщины еще не разсѣялись, еще плотно закрываютъ отъ насъ чистое небо и горячее солнце. Маленькіе хмурые, забитые жизнью люди все еще не смѣютъ улыбаться и съ надеждой глядѣть впередъ. И у насъ, на вершинахъ церковной власти, все еще холодно и одиноко. Дьячокъ Отлукавинъ, съ огрызеннымъ гусинымъ перомъ въ рукахъ, попрежнему упорно тянетъ непонятную другимъ и ему самому канитель. Вонмигласовъ ждетъ хирурга, который избавилъ бы его отъ косноязычія и гугнивости. Дьяконъ Авдіесовъ все еще цѣнитъ голосъ выше головы, потому что въ приходской жизни не находитъ для нея употребленія. Бѣдный, забитый жизнью и нуждой, обремененный многочисленной семьей неудачниковъ сыновей, и некрасивыхъ дочерей, обвиняемый за метрики и отчетность, о. Анастасій все еще страдаетъ безъ надежды облегченія и молитъ только о прощеніи, о сочувствіи. Нищій, голодный о. Яковъ не можетъ побѣдить своею молодостью, честностью, идеализмомъ, безысходнаго горя своей голодной паствы и семьи. Всѣ благородные порывы, всѣ мысли и стремленія къ общественной приход-

ской дѣятельности тонутъ въ этомъ морѣ нуждъ, голода, поголовной нищеты...

«И что оно такое, Господи, дѣлается на свѣтѣ!Такое дѣлается, что если въ газеты написать, то не повѣрятъ люди... И когда всему этому конецъ будетъ»!..

N.

Къ годовщинѣ кончны Евгенін Андреевны Покровской.

4-го сентября кончился годъ со дня кончины незабвенной наставницы Виленскаго женскаго училища Духовнаго вѣдомства Евгеніи Андреевны Покровской.

Въ № 39—40 Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1904 г. была уже очерчена ея многотрудная дѣятельность на пользу просвѣщенія —умственнаго и нравствепнаго дочерей духовенства бывшей Литовской епархіи (нынѣшнихъ Литовской и Гродненской епархій). Теперь слѣдуетъ отмѣтить тотъ случай изъ жизни Евгеніи Андреевны, который, хотя и ярко характеризуетъ преподавательскую дѣятельность ея, но былъ опущенъ въ некрологѣ. Разумѣю посѣщеніе училища Государемъ Императоромъ Александромъ III съ Автустѣйшимъ семействомъ въ 1884 году.

Воспроизвожу изъ Лит. Еп. Вѣд. за 1884 г. № 35 ту часть описанія посѣщенія Государемъ училища, которая касается Евгеніи Андреевны. „При вступленіи Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ залъ, воспитанницы запѣли народный гимнъ „Боже царя храни;“ пѣніе было исполнено въ совершенствѣ, и Ихъ Величества осчастливили дѣтей полной похвалой за прекрасное пѣніе и освѣдомились о томъ, поютъ ли воспитанницы на два клироса. Затѣмъ Ея Величество изволила подойти къ наставницѣ и учительницѣ пѣнія? а Покровской и милостиво разспрашивала ее о времени службы и о мѣстѣ воспитанія и удостоила подать ей руку.... Его Величество изволилъ выразить желаніе послушать что-либо изъ церковнаго пѣнія. Наставница Покровская имѣла счастіе доложить Его Величеству, что воспитанницами разучены нумера Херувимской пѣсни, „Отче нашъ,“ „Достойно есть,“ между прочимъ, Бортнянскаго трехголосное; послѣднее и было исполнено воспитанницами. Его Величество, со вниманіемъ слѣдившій за пѣніемъ этой значительно трудной для исполненія женскими голосами церковной пѣсни, по окончаніи оной, изволилъ отозваться о пѣніи съ отличной похвалой и г-жу Покровскую осчастливилъ словомъ одобренія. Ея Величество внимательно слѣдила за исполненіемъ пѣнія и пѣсколько разъ выражала свое одобреніе.“ Добавляю нѣкоторыя любопытныя подробности, любезно сообщенныя мнѣ очевидцемъ событія досточтеннымъ каѳедральнымъ протоіереемъ о. Іоанномъ Антоновичемъ Котовичемъ: „Государь Императоръ болѣе всего посвятилъ времени на церковное пѣніе и не разъ выразилъ: „хорошо, хорошо; вотъ видно, что тутъ занимаются дѣломъ,“ разспрашивалъ Евгенію Андреевну, гдѣ она подготовила себя къ преподаванію пѣнія, разспрашивалъ о переложеніяхъ съ мужскихъ на женскіе голоса нѣкоторыхъ пѣснопѣній, въ томъ числѣ „Достойно есть;“ по исполненіи этого пѣснопѣнія сказалъ: „Ладно, хорошо; переложеніе вполнѣ удачное,“ и въ концѣ подалъ ей руку.

Изъ Епархіальной жизни.

Обозрѣніе церквей Новоалександровскаго уѣзда Ков. губ. Его Преосвященствомъ Сергіемъ Епископомъ Ковенскимъ.

Утромъ 9 Сентября Его Преосвященство Сергій Епископъ Ковенскій изъ м. Браслава прослѣдовалъ въ село Красногорку. По дорогѣ въ д. Шакурахъ, Браславскаго прихода, православное населеніе встрѣтило Его Преосвященство, при аркѣ изъ зелени, хлѣбомъ солью и св. иконами. Владыка благословилъ всѣхъ и изволилъ слушать пѣніе изъ Холмскаго «Богогласника» прекрасно исполненное крестьянами. Далѣе въ 10 вер. отъ Браслава въ м. Слободкѣ опять была устроена прекрасная арка, при которой Его Преосвященству подносили хлѣбъ—соль старообрядцы отъ своей, какъ они выразились, «Старообрядческой религіи», и евреи. Владыка ихъ благодарилъ.

Въ Красногорку Его Преосвященство прибылъ въ 12 часовъ дня. Тамъ было устроено нѣсколько арокъ, украшенныхъ русскими полотенцами и флагами и опять подносили хлѣбъ—соль: сельское общество, старообрядцы отъ своей «религіи», евреи и прихожане церкви. По совершеніи молебствія Святителю Ѳеодосію Черниговскому мѣстный священникъ Н. Ивацевичъ, совмѣстно съ другими священниками прибывшими изъ Курляндіи, встрѣтилъ Владыку прекрасною рѣчью, а Преосвященный, по окончаніи молебствія и обычныхъ многолѣтій, сказалъ собравшемуся народу весьма назидательное слово на злобу дня, утѣшая и ободряя ихъ быть крѣпкими въ православіи и благословилъ всѣхъ При этомъ было роздано множество брошюръ и книгъ религіознаго содержанія. Въ 2 часа Владыка посѣтилъ Красногорскую второклассную учительскую школу, спрашивалъ учениковъ младшаго отдѣленія по Закону Божію, интересовался какъ они ведутъ себя съ своими сверстниками иновѣрцами, объяснилъ имъ преимущества православія предъ католичествомъ на случай спора съ иновѣрцами и далъ завѣдывающему школою монету на выписку для школы „Богогласника“ и на конфекты для учениковъ.

Напутствуемый благожеланіями Его Преосвященство отправился чрезъ м. Креславль Витеб. губ., по желѣзной дорогѣ въ г. Новоалександровскъ. Въ Креславкѣ, во время проѣзда, производился звонъ въ церкви и, вѣроятно ошибочно, въ костелѣ. Владыка изволилъ посѣтить домъ мѣстнаго священника, Благочиннаго о. Александра Петрова, гдѣ принялъ чай. До станціи желѣзной дороги

Креславль, гдѣ стоялъ собственный вагонъ Владыки, въ которомъ былъ ночлегъ, Владыку провожалъ священникъ Благочинный Петровъ.

На утро, къ 8 часамъ времени отхода поѣзда въ Двинскъ, Благочинный Петровъ опять прибылъ въ вагонъ Владыки и провожалъ до г. Двинска, гдѣ встрѣтилъ Преосвященнаго протоіерей Двинскаго городского собора о. Петръ Бѣлавинъ и г. Двинскій Полицеймейстеръ, прося посѣтить мѣстный приходскій соборъ. Въ прибывшей къ вокзалу каретѣ, Владыка совмѣстно съ протоіереемъ Бѣлавинымъ отправился въ соборъ, а потомъ въ домъ протоіерея на чашку чая, при которомъ предложенъ завтракъ.

Возвратясь изъ города на вокзалъ, Владыка въ 3 часа, при звонѣ колоколовъ, прослѣдовалъ въ г. Новоалександровскъ. Сюда Преосвященный Сергій прибылъ къ 5 часамъ вечера. По дорогѣ сначала посѣтилъ Новоалександровскую Единовѣрческую, церковь, а потомъ направился въ городскую приходскую. Городъ былъ чудно украшенъ арками и флагами. По случаю субботняго дня все еврейское и городское населеніе было на улицѣ. При городской церкви подносили Его Преосвященству хлѣбъ соль представители города, еврейскаго общества, старообрядцевъ и прихожане. Послѣ обычной встрѣчи началось всенощное бдѣніе. На полиелей изволилъ выходить Его Преосвященство, а потомъ помазывать елеемъ. Во время выхода изъ церкви всѣ арки и весь путь до квартиры настоятеля былъ иллюминованъ фонариками, Въ воскресенье 11 Сентября литургію изволилъ служить Его Преосвященство въ сослуженіи 6 священниковъ и 3 дьяконовъ. Новоалександровскій хоръ, подъ управленіемъ священника Хрщевской церкви изъ Курляндіи чудно исполнилъ литургію. Мѣстный настоятель о. Іоаннъ Александровскій сказалъ поученіе. Послѣ литургіи Владыка благословилъ народъ, при чемъ было роздано множество книгъ. Въ 3 часа Его Преосвященство посѣтилъ мѣстнаго предводителя дворянства Петкевича, исправника Монжевскаго, земскаго начальника Матвѣева и церковнаго старосту д. с с. Дурново.

Утромъ 12 Сентября въ 8 часовъ Владыка изволилъ направиться на ст. Калкуны въ 20 верстахъ отъ Новоалександровска для слѣдованія въ м. Ракишки, конечный пунктъ уѣзда. Въ Ракишкахъ на станцію желѣзной дороги для встрѣчи Его Преосвященства прибыли: мѣстный земскій начальникъ Воронічъ, церковный староста-сельскій врачъ Косьмянскій, мѣстный приставъ и многіе другіе. Въ мѣстечкѣ по случаю базарнаго дня и встрѣчи Владыки, всѣ улицы были запружены народомъ. Тутъ опять по всему пути было устроено множество арокъ, которыя были лучше всѣхъ прежнихъ. По сторонамъ пути стояли солдаты, составлявшіе цѣпь. При аркахъ подносили хлѣбъ соль отъ м. Ракишекъ, отъ евреевъ, старообрядцевъ и прихожанъ. Въ церкви Владыку встрѣтилъ мѣстный священникъ и сопровождавшіе Владыку помощникъ Новоалександровскаго Благочиннаго священникъ І. Строковскій и членъ благочинническаго совѣта священникъ Е. Лукашевичъ. Послѣ встрѣчи и молебствія св. Благовѣрному Кн. Александру Невскому Его Преосвященство сказалъ глубоко назидательное слово и благословилъ всѣхъ. При этомъ роздано множество книгъ. Въ 7 часовъ вечера вся интеллигенція провожала Владыку на вокзалъ гдѣ, въ вагонѣ, приняла Архипастырское благословеніе и сердечно простилась.

Отъ Браслава по маршруту провожалъ Его Преосвященство помощникъ Новоалександровскаго Благочиннаго Священникъ Видзской церкви Іоаннъ Строковскій, Новоалександровскій Исправникъ Монжевскій, участковые Земскіе Начальники, мѣстные становые Пристава и верховые урядники.

Нужно замѣстить, что кортежъ слѣдованія Преосвященнаго былъ величественнымъ по множеству провожавшихъ лицъ и экипажей. Самъ Преосвященный отъ м. Опсы до Браслава и далѣе до ст. Креславль ѣхалъ въ предложенной графомъ Плятеромъ (им. Пелвлюнты), каретѣ, запряженной, четверкою лошадей попарно. Но самое главное то, что бѣдный, православный деревенскій народъ, запуганный католицизмомъ и его агентами, теперь ободрился, воспрянулъ духомъ и сталъ видѣть и понимать насиліе, ложь, обманъ и обольщеніе со стороны католицизма. Никогда такъ, какъ теперь, православные не чувствовали такого воодушевленія и такой радости при видѣ среди себя своего архипастыря, молитвенника благостнаго, кроткаго и преподающаго всѣмъ и вездѣ слово назиданія и утѣшенія. Всѣ русскіе какъ-то сильнѣе сплотились во едино для крѣпкаго стоянія за православіе. А посѣщеніе Архипастыря влило въ сихъ единеніе новую струю мощи, вѣры и принесло благословеніе на подвигъ, терпѣніе и борьбу.

Священникъ І. Строковскій.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, *Архимандритъ Антоній.*

Помощникъ Редактора *А. Шестовъ.*